

В.В. Лунеев,
доктор юридических наук, профессор

НАУКА КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

V.V. Luneyev,
Doctor of Law, Professor

CRIMINAL SCIENCE AND CRIMINOLOGICAL REALIA

The paper is devoted to the fundamental issues of criminal science. It discusses the problem of poor correlation between the analyzed science and real-life legal and criminological processes taking place in the society.

The paper gives specific examples of scientifically inconsistent lawmaking that results in considerable law enforcement difficulties. The analysis of the material presented allows the author to come to the conclusion that, on the one hand, superior bodies of power do not need objective criminal science and that, on the other hand, the fundamental science itself is not yet fully ready to develop a contemporary theory of democratic and effective control over the growing criminality.

Общие положения

В любой научной деятельности есть два взаимосвязанных направления: фундаментальные инновационные исследования и прикладные разработки по практической реализации фундаментальных достижений. При фундаментальных исследованиях может предметно определяться их прикладное применение, а прикладные разработки дают возможность обнаружить основания для новых фундаментальных изысканий и их уточнений.

В юридической науке, включая криминологию, уголовное право, уголовный процесс и исполнительное право, доминирует **прикладное** направление, ориентированное на точное усвоение и адекватное практическое применение действующих законов, их отдельных норм и положений. Это очень важная составляющая деятельности оперативных сотрудников, следователей, прокуроров, судей, адвокатов, нотариусов и других работников юридических служб.

Адекватно, квалифицированно, правильно и с сознанием дела применять ту или иную норму права – главное в их работе. На этом держится вся практическая юстиция. Ее служители должны хорошо знать действующее законодательство, практику его применения, нормативные пробелы и несовершенства. Многие из них видят пути более эффективного решения того или иного

правового регулирования, но это не является их профессиональной обязанностью. Хотя они нередко высказывают свои соображения, обнародуют свои взгляды в печати, на научно-практических конференциях и заседаниях «круглых столов». Но закон есть закон.

Толкованием его занимается огромная армия практических юристов, а также преподавателей юридических институтов и факультетов, деятельность которых может простирается и на фундаментальную сферу. На практике разъяснение законов материализуется в издаваемых учебниках, комментариях и практических пособиях.

Фундаментальная юридическая наука также изучает правоприменение, но главной ее задачей является не только толкование действующих норм, но и изучение эффективности их применения на основе исследования не столько самих норм, сколько фактических реалий, которые складываются на основе действующего законодательства.

Нередко в нашей юридической науке криминального цикла за фундаментальные исследования принимается механическое списывание норм с законодательства так называемых развитых стран под знаменем вестернизации, демократизации, гуманизации и других политических призывов. Подобная деятельность может быть фундаментальной при одном условии, если восприятие норм

других стран производится на основе глубокого изучения эффективности действия этих норм «дома», их взаимосвязанности со смежными нормами, в том числе и других отраслей права, т. е. тогда, когда исследователь получает элементы новых объективных знаний. Механическое списывание «чужих» норм по политическим мотивам без изучения их эффективности и механизма действия не вписывается даже в прикладные исследования. Оно может принести только вред юридической науке и практике, чему не счесть примеров в последние годы. Причем люди, которые проталкивают подобные нормы по политическим или политически прикрытым корыстным мотивам, числят себя в передовиках. В реальной жизни они лишь разрушают пускай не очень совершенную, но более или менее устоявшуюся национально-правовую систему в стране. Со временем в процессе живого эксперимента ошибочность использования «чужих» норм в отрыве от их «родной» системы становится очевидной. Ломка национальной системы может продолжиться в еще более худшем варианте.

В жизни та или иная норма, даже если она применяется в точном соответствии с ее содержанием, может быть неэффективной, не достичь поставленной цели, труднореализуемой в российской действительности, не обеспеченной организационно, кадрово и финансово или коррупционной и криминогенной. И таких полудействующих и «противоправных» норм в современном законодательстве, на основе которого осуществляется борьба с преступностью, огромное количество. Принятые под демагогическим или коррупционным воздействием соответствующих политических и экономических групп и кланов, они дискредитируют право, низводят его к фактическому бесправию.

Между тем в юридической науке криминального цикла существует множество неисследованных фундаментальных проблем. Коснемся некоторых из них.

Первая проблема – убийство. Убийство многие считают самым низкотатентным деянием, а значит, и борьба с ним якобы более эффективна. Так ли это в России? В 2003 г. в стране было зарегистрировано 32 тыс. убийств, или 22,4 убийства на 100 тыс. населения. При этом надо иметь в виду, что в России учет убийств осуществляется по фактам,

а не по жертвам, как в США, т. е. убийство десятков или сотен человек взрывом – это одно преступление, квалифицируемое по ст. 105 пп. «а» и «е» (убийство двух и более лиц, совершенное общеопасным способом). Например, в том же году был учтен 561 террористический акт, унесший сотни жизней, а по учету две статьи – терроризм и убийство двух и более лиц.

Кроме того, в России ежегодно регистрируется до 60 тыс. умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, более трети которых заканчивается последующей смертью потерпевшего, но как убийство они не квалифицируются. Около 30 тыс. человек без вести пропавших не находится, и более чем сопоставимое количество обнаруживается неопознанных трупов. Со временем становится очевидным, что их убили, но в статистике это не отражается. Если все это сложить, коэффициент убийств возрастет в 4–5 раз, до 80–100 убийств на 100 тыс. населения.

По данным же ООН, в мире в среднем совершается 9,8 убийств на 100 тыс. населения, в арабских государствах – 2,4, Западной Европе – 3,5, Южной Азии – 7,2, Северной Америке – 9, Африке – 15, в Латинской Америке – 21. А у нас только по порочному учету – 22,4. При учете приведенных данных, уровень убийств в России станет на порядок выше среднемировых. Сопоставим: уровень учтенной преступности в России в 4–6 ниже, а уровень умышленных убийств более чем в 10 раз выше, чем в Западной Европе. Всего же в России не своей смертью от умышленных и неосторожных деяний погибает до 500 тыс. человек в год. И это мало кого волнует, хотя эта проблема фундаментального значения. **Что делать?** Европейские меры для нас неадекватны. Надо искать эффективный выход из сложившейся ситуации.

Вторая проблема. Одной из причин недостаточной эффективности деятельности правоохранительных органов является неспособность системы уголовной юстиции «переварить» хотя бы треть реальной преступности. Если будет регистрироваться хотя бы эта треть, правоохранительная система рухнет под тяжестью 6–7 млн дел.

Какой выход? Увеличить численность системы уголовной юстиции? Но в нашей стране и так самый высокий уровень численности милиции: 1224 человек на 100 тыс.

населения (1994 г.). Во Франции, например, – 349, в Англии и Уэльсе – 346, США – 300, Швеции – 281, Японии – 207. А ведь кроме МВД в России есть и другие силовые ведомства с огромными штатами, выполняющие различные полицейские функции. Более того, после 1994 г. численность милиции и других правоохранительных органов постоянно росла. За последние 10 лет она увеличилась примерно до 1,5 тыс. на 100 тыс. населения. Число прокурорских работников за эти годы возросло на 58 %, а судей – в 5,5 раза. Общая же тенденция в Европе изменилась – численность системы уголовной юстиции сокращается.

В Швеции, например, число полицейских на 100 тыс. населения в 4,5 раза меньше, чем в России, а они «обслуживают» в 6,5 раз больше учтенных преступлений, чем в России (в Швеции регистрировалось 12 тыс. преступлений на 100 тыс. населения, а в России – только 1,8 тыс.). Таким образом, это еще одна фундаментальная проблема, которую надо исследовать.

Третья проблема. Мы не можем обуздать коррупцию, потому что в течение последних 15–20 лет сотрясаем воздух речами о борьбе с ней. У нас нет комплексного закона о борьбе с коррупцией. **Коррупция стала нашей конституцией, а безответственность за нее – повседневной практикой.** Еще в Верховном Совете РСФСР обсуждался закон о борьбе с коррупцией. Тогда депутат Бир выкрикнул: «Что вы делаете, вы же против себя закон принимаете». И крик его был услышан и он актуален до сих пор. С коррупцией сейчас очень трудно справиться. Она сильнее государства. Отдельные предложения об усилении контроля за коррупционерами – паллиатив, поскольку до сих пор нет не только закона о борьбе с коррупцией, но и политической стратегии и практической тактики. Фундаментальная разработка и претворение их в жизнь будут способствовать решению многих проблем в стране, если не всех.

Четвертая проблема. Сейчас идет процесс непрерывного расширения уголовной ответственности, которая заведомо обречена на провал. Исторически процесс криминализации деяний в 4 раза превышает процесс декриминализации. Многовековая наивность законодателей и народа: если внести деяние в Уголовный кодекс, то оно перестанет существовать, жива. Идет поток бессистемного

расширения сферы уголовной ответственности, инициированный депутатами, ведомствами и учеными. Нужен комплексный системный анализ действующего Уголовного кодекса РФ и криминальных реалий, чтобы на этой основе оптимизировать уголовную ответственность, перевести незначительные деяния в административную и имущественную ответственность. Следует выделить уголовные проступки с доступным процессуальным режимом. Выборочная ответственность 1:15–1:30 только развращает. Поэтому необходимо искать оптимальное соотношение уголовной, административной, гражданской, имущественной, дисциплинарной ответственности. Это основной вопрос сегодняшнего дня. Решение его неимоверно сложно, но чрезвычайно важно. Иначе нам не выбраться из криминального капкана.

На прошедшем Всероссийском совещании работников правоохранительных органов¹ Президент РФ В.В. Путин упрекнул их в росте учтенной преступности, но этот рост обусловлен не только реальным увеличением числа преступлений, но и некоторым улучшением системы регистрации деяний. Однако уровень латентной преступности и сегодня составляет 70–80 % от реальной преступности. Чтобы безнаказанность правонарушителей, которая на сегодняшний день является одной из серьезных причин преступности и правонарушений, была существенно снижена, нужен критический пересмотр законов, на основе которых осуществляется борьба с преступностью, существенное укрепление связей между различными отраслями права в целях решения общих задач правопорядка. У нас же даже между отраслями криминального цикла, как и в самом Уголовном кодексе, нет единых подходов, нет взаимопонимания. Маленькая страна Литва одновременно по единой стратегии разработала уголовное, уголовно-процессуальное, административное и исполнительное законодательство, которое вступило в силу практически одновременно². Нам до этого далеко.

Перечень кричащих фундаментальных проблем можно было бы продолжить. Их

¹ См.: Рос. газ. 2006. 22 нояб.

² См.: Общая характеристика Уголовного кодекса Литовской республики // Уголовный кодекс Литовской республики. СПб., 2002. С. 13.

нельзя решить на основе догмы уголовного законодательства и практики его применения. Нужны комплексные правовые, криминологические, социально-правовые исследования, «охватывающие землю разом».

Предложенное деление научных исследований криминального цикла на фундаментальные и прикладные изыскания и их распределение по научным, учебным и практическим учреждениям является относительно идеализированным. В действительности соотношение фундаментальных и прикладных разработок, при всей условности их разделения, является более сложным, неопределенным и размытым. Тем не менее это соотношение в своих основных направлениях хорошо различимо и практически необходимо.

Фактическое положение дел

В реальной научной жизни можно наблюдать множество недостатков. С одной стороны, это относительно низкий уровень влияния нашей фундаментальной и прикладной науки криминального цикла на принятие актуальных решений в стране; с другой – недостаточный инновационный уровень развития самой науки, которая, как правило, редко выходит за пределы толкования догматики уголовного права и процесса к проблемам фундаментального характера; с третьей, даже при относительно позитивном разрешении некоторых юридических проблем в научном плане, научная юридическая общественность недостаточно участвует в практической реализации своих научных достижений, как в силу своей инертности, так и в силу игнорирования ее властями.

Низкий уровень влияния науки криминального цикла на правовые и криминологические процессы, а следовательно, на социальные, экономические и политические, стал особенно очевиден в годы осуществления ущербной горбачевской перестройки и криминального ельцинского реформирования российской действительности. Тогда было допущено слишком много стратегически порочных решений. И в связи с этим можно прямо сказать, что социальные науки вообще и науки криминального цикла в частности практически не выполнили своего объективного назначения в это трудное для страны время.

Научные силы раскололись. Большая часть научных сотрудников этого цикла усердно занимались агрессивной апологией политизированных и непросчитанных реформаций. Они попали в число «новых революционеров» и «новых большевиков», которые шли в фарватере властных устремлений. К новым «большевикам» я отношу тех, кто примкнул к более сильному большинству. К услугам «политически передовых» и сильных предоставлялись печать, радио, телевидение. Со временем эти «большевики» получили лейбл «демшизы». Но это уже потом, когда под «революционностью» обнаружилась элементарная разрушительность.

Определенная часть юристов криминального цикла вынужденно мирились с разрушительными процессами и молчали, хотя и могли сознавать криминогенность и коррупциогенность принимаемых решений. Они делали то, что было в их силах. Многие из них понимали бесполезность сопротивления агрессии «реформаторов» и в то же время не хотели быть белыми воронами. И только **некоторые открыто сопротивлялись разрушительному реформированию, призывая к взвешенному и просчитанному подходу, учитывающему исторические и национальные особенности нашего государства и права.** На них тут же навешивали ярлыки «национал-патриотов», шельмовали и затыкали рты. Ныне почти все крикуны того времени замолчали сами. Им нечего сказать. Их порочная псевдоправовая демагогия стала очевидной и для них самих.

Уровень развития самой науки криминального цикла, не выходящей за пределы догматики уголовного и других отраслей права рассматриваемого цикла, является второй составляющей, которая не давала использовать их возможности для более оптимального решения актуальных проблем борьбы с растущим криминалом. Общеизвестно, что **содержание законодательства, на основе которого осуществляется борьба с преступностью, должно отражать криминальные реалии страны.** Только в этом случае оно может быть эффективным. В.В. Путин однажды сказал: «Над принятием законов думают сотни и сотни, а над тем, как обойти закон, думают миллионы». И последние побеждают, потому что они скрупулезно и с глубоким знанием дела изучают реалии предполага-

емой преступной деятельности, т. е. практические возможности обхода закона, пути сокрытия преступной деятельности, возможности ее прикрытия и т. д. Криминальные реалии при разработке, изменении и дополнении уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства почти не изучаются или изучаются поверхностно и односторонне (лишь в плане реализации своих «красивых» идей).

Таким образом, если законодатель от науки и практики криминального цикла, а также самих законодателей не интересует фактическая и позитивная эффективность той или иной нормы или кодекса (УК, УПК, УИК) в целом, если при разработке и принятии новых норм не прогнозируются возможные нежелательные результаты их действия, если предлагаемые правовые новеллы рождаются методом «умной головы» на основе неких логических умозаключений и некритичного списывания с законов других стран, которые представляются им более цивилизованными, и если основную роль при принятии законов играют продажные лоббисты от криминала, то о каком учете криминальных, криминогенных и коррупциогенных реалий в законодательстве может идти речь. Более того, озвучивание прогнозируемых криминальных последствий действия предлагаемых порочных законов может парализовать «передовое», выгодное, а иногда и доходное предприятие.

В складывающейся ситуации что может противопоставить ученый, изучающий уголовное, уголовно-процессуальное и исполнительное право на основе логических сравнений тех или иных норм, на основе «писаной» реальности, т. е. по кодексам и подзаконным актам. Сравнительный логико-правовой анализ может привести его к некоторым выводам, в том числе и практически важным для правоохранительных органов, судов, адвокатуры. Но не для фундаментальной науки, чем, по сути, должны заниматься академические ученые. **При изучении различных отраслей права на основе «самих себя» нельзя получить новых знаний по определению.** Их можно получить лишь при изучении и прогнозировании реальной криминологической обстановки, которая складывается на основе действующего законодательства, т. е. при изучении социологии уголовного пра-

ва, социологии уголовно-процессуального права, социологии исполнительного права, при изучении криминологических проблем в стране. Но как раз криминологическая, социологическая, статистическая и математическая основа этих наук, как правило, всегда оставалась и остается за бортом научных исследований.

Что могли предложить ученые, в совершенстве знающие содержание старых действующих норм права, в совершенно новые «революционные» периоды перестройки и рыночного реформирования, которые сопровождались серьезной ломкой всех общественных отношений. Они могли лишь что-то логически предположить, предугадать или заимствовать некоторые нормы из законодательства других стран, выдав их за свои новые научные достижения. Но предположения, сделанные на основе логических умозаключений, очень ненадежны, а заимствование законодательных положений других стран, в которых свои специфические политические, экономические, правовые, организационные и криминологические условия, которые существенно отличаются от российских, без объективного критического анализа еще менее прочно.

Надо сказать, что отечественное уголовное законодательство еще в 60-е гг. прошлого века отказалось от института аналогии, но ведь вся догматическая часть науки уголовного права продолжала и продолжает опираться на логические законы аналогии. Конечно, эта аналогия несколько иная и она имеет определенную познавательную ценность. Но получаемые таким путем знания очень относительны и даже сомнительны. Они требуют проверки другими, более адекватными методами. Однако этого как раз обычно и не происходит – трудно, дорого, непривычно и хлопотно.

При оценке действенности наук криминального цикла в последние 15–20 лет надо иметь в виду и то, что «новые революционеры» от политики, экономики и права ни в каких действительно научных истинах не нуждались. Они жаждали лишь апологии их субъективных политических целей, которые они где-то слышали, вычитали и декларировали как созидательные, хотя объективно для нас они были разрушительными и криминогенными. Поэтому если бы на основе

фактических и надежных результатов наук криминального цикла и было предложено что-то научно обоснованное, но расходящееся с политическими установками новых вождей, то это было бы, во-первых, не принято, во-вторых, эти исследователи могли стать персонами, нежелательными для властей. И это предопределяло следующий недостаток научной юридической мысли – нашу робость, пассивность и осознание бесполезности и невостребованности.

Приведу пример. После трехкратного провала в 1990-е гг. Президентом России принятых Госдумой и Советом Федерации проектов законов о борьбе с коррупцией, о которой сейчас вновь заговорили как о вновь появившейся проблеме, Администрация Президента в феврале-марте 1998 г. подготовила свой проект закона, который поступил на экспертизу в Институт государства и права РАН, в сектор уголовного права и криминологии. В нем была проигнорирована более чем десятилетняя работа отечественных ученых, практиков и законодателей, а также не учтены важнейшие международные конвенции и положительный опыт других стран. Проект Администрации был направлен на защиту коррупционных интересов чиновников. В нем на нескольких страницах перечислялись условия, при которых должностные лица, их жены и дети могли получать подарки и т. д. Мы долго работали над проектом и дали ему крайне отрицательный отзыв, предложив испытанные в мире нормы борьбы с коррупцией, которые вполне могли быть реализованы в России. Тем не менее через несколько дней проект поступил в Думу, с указанием, что он прошел экспертизу во многих учреждениях, в их числе назывался и Институт государства и права РАН. Оказалось, что в нем не были исправлены даже грамматические ошибки, на которые эксперты обратили внимание, не говоря уже об учете их предложений. Было очевидно, что в научных исследованиях власти не нуждались и не нуждаются.

Два десятка лет мы говорим о необходимости борьбы с коррупцией. Проведены сотни исследований и сотни международных и российских научно-практических конференций, а также думских слушаний. Мы подписали и ратифицировали две международные конвенции, европейскую и ооновскую, о борьбе с коррупцией. А воз и ныне там. До

сих пор в рамках действующего законодательства мы под коррупцией понимаем «пакет с деньгами» и еще некоторые примитивные формы.

В условиях рыночной экономики и свободной торговли коррупция не сводится к примитивным видам взяточничества (пакета с деньгами) и элементарных злоупотреблений. Поэтому Уголовный кодекс РФ, подготовленный без какого-либо анализа реалий и их прогноза на ближайшее будущее, не охватывает многих форм и видов социально опасной и реальной коррупции. Он не предусматривает ответственности за:

- коррупционный лоббизм;
- коррупционный фаворитизм;
- коррупционный протекционизм;
- nepotизм (кумовство, покровительство родственникам);
- тайные взносы на политические цели;
- взносы на выборы с последующей расплатой государственными должностями или лоббированием интересов взносодателя;
- келейное проведение приватизации, акционирования и залоговых аукционов;
- предоставление налоговых и таможенных льгот;
- переход государственных должностных лиц (сразу после отставки) на должности президентов подкормленных банков и корпораций;
- коррупцию за рубежом при заключении внешнеэкономических контрактов;
- совмещение государственной службы с коммерческой деятельностью и т. д.

Все эти формы власти разрушающей коррупции широко распространены в России, в министерствах, Правительстве, Государственной Думе, Совете Федерации и даже в президентском окружении («семья Б.Н. Ельцина»), а также во властных структурах субъектов Федерации. Они распространены и в мире. Но если в других странах названные формы коррупции криминализированы и с ними ведется непримиримая (или определенная) борьба, то в России о них иногда только говорится в некоторых СМИ, да и то без должного осуждения. Коррупционные деяния нередко преподносятся как умение продажного должностного лица «делать деньги в рамках действующих законов». А в действующем уголовном законодательстве о них нет даже упоминания. Только на пути

правового контроля рыночных коррупционных технологий можно разорвать порочные криминальные круги: «деньги – власть – деньги», «собственность – власть – собственность». Об этом написаны сотни книг и статей³. Я привел, хотя и важный, но частный пример. В реальности с первых дней ельцинских реформ действовала антинародная и антигосударственная система выборки только апологических предложений и проектов.

Конкретные факты бессилия нашей науки

Для того чтобы не быть голословным, приведу некоторые факты, свидетельствующие как о прямом игнорировании некоторых позитивных научных результатов, так и о методологической слабости и даже порочности самой юридической науки.

Начнем с самого важного федерального закона, на основе которого осуществляется основная борьба с преступностью. Разработка Уголовного кодекса РФ в середине 1990-х гг. не имела необходимой социологической и криминологической базы, криминологического и уголовно-правового прогноза, системного общего и конкретного прогноза возможных позитивных и негативных последствий действия нового кодекса. В значительной мере он готовился на основе метода «умной головы». Это означает, что специалисты уголовного права писали статьи УК, исходя из соображений «как бы лучше», «как бы поевропеее», «как бы «антиподнее» апробированного прошлого», не оценивая реальные возможности России, ее традиции, складывающуюся криминологическую обстановку и ее возможное развитие на ближайшее будущее. В нашем УК много негатива, связанного с методом «умной головы» и с игнорированием социологии уголовного права, криминологических реалий, с другими его проблемами и пороками.

За 10 лет действия УК РФ 1996 г. (а с момента начала его доработки – за 8 лет с 27 мая 1998 г по 27 июля 2006 г.) было принято 40 федеральных законов по изменению и дополнению Уголовного кодекса. В среднем прини-

малось по 5 законов в год. В текст УК было внесено 667 изменений и дополнений, т. е. в среднем по 85 изменений и дополнений ежегодно и по 2 корректировки в каждую статью. Фактически же в некоторые статьи вносилось до 10 и более поправок, иногда неоднократно (внесенные изменения и дополнения второй или третий раз вновь изменялись и дополнялись). В числе изменений и дополнений также значится исключение 4-х статей из УК и введение 27 новых. Прежняя тенденция доминирования процесса криминализации над декриминализацией, которая была выявлена еще во время действия предыдущих уголовных кодексов России⁴, не только сохранилась, но и усилилась.

Прежний УК РСФСР, который действовал более 36 лет, имел около 700 конкретных изменений и дополнений, причем абсолютное большинство этих поправок были приняты во второй половине 80-х и в первой половине 90-х гг. XX в., т. е. когда происходила основная ломка общественных отношений во время горбачевской перестройки и ельцинских рыночных реформ. Даже с учетом этих чрезвычайных обстоятельств, криминализация в УК РСФСР лишь в два раза превышала декриминализацию. Тогда как в УК РФ всего за 8 лет относительно спокойного политического и экономического развития она составила семикратное превышение.

Приведенные данные убедительно доказывают, что уголовная политика за последние 10 лет была ситуационной, неустойчивой, не имеющей сколько-нибудь внятной стратегии и научно-прогностического обоснования. Изменения и дополнения в Уголовный кодекс носили лоскутный, рефлексирующий, коррупционный или «пожарный» характер. Причем, как мы увидим ниже, за пожар принималась активная политическая демагогия, осуществляемая определенными инициативными политическими кланами, которых мало заботила реальная криминологическая обстановка в стране. Они преследовали свои корыстно-политические цели. При таком подходе мало оставалось места для фундаментальной юридической науки криминального цикла.

³ См., например: Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. В.В. Лунеева. М., 2001. С. 17–38 и др.

⁴ См.: Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 9.

Анализ криминальной статистики показывает, что массовые изменения и дополнения Уголовного кодекса мало влияли на уровень, динамику и структуру учтенной преступности. А там, где это влияние было заметным, оно, как правило, носило негативный, а не позитивный характер. Большинство новелл обусловлено политическими соображениями и коррупционным лоббизмом. В связи с подобными последствиями невольно возникает вопрос, а чего пытались добиться законодатели? Эффективности уголовно-правовой борьбы с преступностью не регистрировалось. Снижения уровня преступности не наблюдалось. Преступность росла. Вместе с этим увеличивалась общественная опасность совершаемых деяний. Более того, результаты такой борьбы мало интересовали законодателей. Как правило, они не вникали и в объективные возможности практической реализации придуманных ими трудновыполнимых норм.

Подготовка законопроектов рабочими группами ученых и депутатов Госдумы ведется стихийно и неорганизованно, по принципу «кому бог чего на душу положит». Очень часто в работе находится до 10–15 готовящихся уголовно-правовых законопроектов, содержание которых между собой никак не связано. Интеграционной и координационной законотворческой работы не ведется. Законопроекты обсуждаются порознь, большинство отбрасывается как непригодные, на что тратятся огромные усилия комитетов и Думы в целом. В 2003 г., например, Дума обсуждала 642 законопроекта, из которых 451 законопроект (70 %) были выброшены в корзину. В России нет плановой исследовательской и законотворческой работы, нет стратегии совершенствования уголовного законодательства.

В дальнейшем необходимо отказаться от разработки проектов уголовных законов без фундаментального анализа криминологической обстановки, ее прогноза на ближайшие годы, а также прогноза возможных социальных последствий применения предлагаемых норм. Для этих целей при Государственной Думе следовало бы создать аналитико-прогностический центр. Но та аналитическая служба, которая там была, наоборот, упразднена. Может быть, и правильно, поскольку глубокими научными ис-

следованиями она не занималась, а кое-как выполняла пожарные поручения.

Есть другой путь – возложить эти функции на действующие научно-исследовательские учреждения. Такие попытки предпринимались. 3 декабря 1994 г. был издан Указ Президента РФ № 2147 «О мерах по совершенствованию юридического обеспечения деятельности Президента РФ». В 1995 и 2004 г. соответствующими указами Президента РФ в него были внесены существенные позитивные изменения и дополнения. Во всяком случае, основная идея научного обеспечения президентской деятельности не только осталась в новых указах, но и усилилась. В п. 5 Указа говорится: «Возложить функции аналитического центра по правовой политике Президента РФ на Институт государства и права РАН». Этим же Указом было утверждено Положение об обеспечении деятельности Института государства и права РАН в качестве аналитического центра по правовой политике Президента РФ⁵. С тех пор прошло 12 лет, а институт не получил ни копейки денег и никаких условий. Более того, в этом Положении нет даже намек на необходимость изучать не только догматическую часть юриспруденции, реалии, которые складываются на основе действующего законодательства, но и прогнозировать последствия действия принимаемых законов.

А если углубиться в конкретные нормы Уголовного кодекса, то можно увидеть абсолютно безответственное законотворчество и ученых, и практиков, и законодателей. Проиллюстрируем это на частных примерах.

1. В 1996 г. крупные специалисты уголовного права методом «умной демократической головы» разработали красивую систему 13 видов уголовного наказания. С тех пор в течение 10 лет действует фактически только два вида: лишение свободы и штраф. Их «страхует» условное осуждение, которое ви-

⁵ В Положении говорится, что финансирование Института осуществляется ежемесячно за счет средств НИР, предусмотренных сметой расходов Администрации Президента не менее 10 % годового размера указанных средств, а сотрудники Института обеспечиваются пропусками в служебные помещения Администрации, выполнением машинописных и копировально-множительных работ, правительственной связью, подключением к эталонному банку нормативных актов Государственно-правового управления, компьютерной техникой и т. д.

дом уголовного наказания не является. Остальные виды в большинстве своем нереализуемы, поскольку в России для них нет необходимых условий. Подобный «правовой» абсурд не способствует эффективности борьбы с преступностью. В числе видов наказаний значится арест как альтернатива лишению свободы. Но сейчас выясняется, что арест – прошлый каменный век. Осужденные к аресту должны содержаться в запираемых камерах, они могут быть лишены свиданий, работы, получения передач и т. д. Для реализации этого вида наказания при прогнозируемых 60–70 тыс. арестованных в год надо построить 140 арестных домов, что обошлось бы государству в 75 млрд рублей. И это только строительство. А арестные дома надо еще содержать и обслуживать. Говорят: никакой целесообразности. Обсуждается вопрос об исключении ареста из видов наказания. Но ведь подобный арифметический анализ мог произвести пятиклассник в течение одного дня еще в 1996 г., а «умные ученые головы» этого сделать не сумели.

2. Другой пример законотворческой несообразности. В советское время монополизм был невозможен и в УК РСФСР не было уголовной ответственности за антимонопольные преступления. Статья 175-1 о нарушении антимонопольного законодательства была впервые введена в 1992 г. Нарушением считалось неисполнение законных предписаний Антимонопольного комитета, совершенное должностным лицом, которое в течение года подвергалось административному взысканию за те же действия. Состав материальный. Судя по статистике, норма худо-бедно действовала.

При разработке УК РФ 1996 г. на основе порочной идеологии, а не реалий, административную преюдицию выбросили, но не по научным или практическим основаниям, а по политкорректным: так на Западе. Антимонопольный состав преступления, предусмотренный ст. 178 УК РФ, стал формальным, безбрежным, дающим широкие дискреционные полномочия контролирующим и правоохранительным органам. Борьба с крупными деяниями коррумпировалась и свелась для отчета к мелочным нарушениям. В 2003 г., чтобы отойти от этого и сократить дискреционные полномочия, состав материализовали, введя в него признак «если

эти деяния повлекли причинение крупного ущерба». А как этот ущерб найти, никто не подумал и не просчитал. Борьба была парализована, так как доказать ущерб, распределенный среди неограниченного числа граждан и предприятий, во времени и пространстве, практически невозможно. Дела до суда не доходили, разваливались. После необходимого криминологического и социально-правового анализа и прогноза, проведенных по просьбе Федеральной антимонопольной службы мною и профессором С.В. Максимовым, был предложен такой материальный признак, как получение сверхдохода, который установить намного легче, он регистрируется и подсчитывается. Предложены были и неправомерное достижение допустимой законом доли доминирования на рынке и др. Новелла получила поддержку. К слову сказать, административная и даже гражданско-правовая преюдиция в подобных нарушениях, образующая целостную и системную ответственность, была бы крайне необходима. Но, увы! Ее выбросили из УК по идеологическим и корыстным мотивам.

А как реагирует наука? Известный специалист традиционного уголовного права без особых размышлений, перечисляя различные формы монополистических действий, напоминает: «если эти действия повлекли причинение крупного ущерба». В другом месте он уточняет, что «крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей». Больше к этому признаку автор не возвращается, хотя названная статья Уголовного кодекса расписывается почти на пяти страницах широкоформатного текста. А ведь этот признак материальный и ключевой. Если нет ущерба, то любые монополистические действия не образуют состава преступления. А где этот ущерб искать, автор не задумывается. Не ему же его искать⁶. Если бы он обратился к реалиям, в том числе и к уголовной статистике, то увидел бы, что с введением этой новеллы в 2003 г. в стране регистрировались единичные деяния, квалифицируемые по ст. 178, и ни одно из них не дошло до суда. В тексте приводится статистика, но только до 2001 г.,

⁶ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право: Курс лекций. М., 2004. Т. 2. С. 299–303.

когда регистрировалось до 70 деяний в год. Существенное изменение статьи, которое я называю порочным, было осуществлено в 2003 г., книга же вышла годом позже. Требовалось проникновение в суть изменений и в реалии. Но за письменным столом это сделать трудно. А в итоге – непрофессиональный анализ статьи УК РФ. И таких примеров в нашей уголовно-правовой литературе можно найти множество.

3. При создании действующего УК РФ «умные головы» отказались от институтов освобождения от уголовной ответственности путем передачи на поруки или в товарищеские суды. На каком основании? Нет на Западе. Существенно изменились производственные отношения, и в связи с этим вроде бы рухнуло понятие «трудовой коллектив». А он остался, не погиб и профсоюз, хотя и несколько трансформировался. Никто не соизволил изучить эффективность выброшенных институтов, которая была выше, чем лишение свободы. Присяжные заседатели заменить роль общественности не могут. Даже В.Н. Кудрявцев, написавший книгу «Стратегии борьбы с преступностью», в которой рассматриваются различные аспекты контроля и предупреждения преступности, видимо, под влиянием отрицательного отношения к роли общественности российских юристов, уделяет этой важной проблеме семь строчек⁷. Ныне обсуждается вопрос о многих возможных формах привлечения общественности к контролю над преступностью. Значима была роль народных дружин, к которым сейчас вынуждены возвращаться. И это правильный путь.

Джон Грэхэм и Тревор Беннет в серьезной книге «Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке» выделили целую главу «Предупреждение преступности с опорой на общественность», где, исследуя роль общественности в разных странах, в позитивном плане представили советский и российский опыт привлечения общественности для контроля преступности и ее предупреждения⁸. В этой книге подробно

рассматриваются общественные организации, общественная защита, патрулирование с участием граждан, полицейская работа с участием общественности и даже соседское наблюдение⁹ и т. д. Если бы последняя форма (соседское наблюдение), которая относительно широко распространена на Западе, была предложена у нас, то такого инициатора тут же обвинили бы в том, что он призывает к доносительству 1937 г. А в США существуют государственные программы соседского наблюдения и они дают хорошие результаты¹⁰. Я не ратую за эту форму в наших исторических условиях. Мне хотелось лишь подчеркнуть, что отстранение общественности от системы контроля преступности под лозунгами новых революционеров было теоретически не оправданным, а практически не просчитанным.

4. Наше уголовное законодательство до сих пор развивается не на основе науки, а на основе рефлексии властей. Политика продолжает подминать право, надо бы наоборот. Некоторые новеллы обусловлены ложными политическими соображениями и коррупционным лоббизмом. Принципы и критерии криминализации деяний, разработанные В.Н. Кудрявцевым¹¹, были проигнорированы. Примером могут служить скороспелые статьи УК РФ 282, 282-1, 282-2, когда наряду с религиозной, расовой и национальной мотивацией криминализировали политические и социальные побуждения. Переводя на русский язык: бедный обворованный человек не должен ненавидеть миллионера мошенника и жулика. Это преступно. Поэтому политизировали хулиганство, вандализм, повреждение памятников и так далее (чего не было даже в сталинские времена) в целях нагнетания обстановки якобы растущего в стране экстремизма. Кому-то очень выгодно прокричать на Запад: в России фашизм. За хулиганство, вандализм и другие подобные деяния всегда существовала серьезная уго-

⁷ См.: Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 272.

⁸ Graham John, Bennett Trevor. Crime Prevention Strategies in Europe and North America. NEUNI Publication №. 28. Helsinki, 1995. P. 71–96.

⁹ Ibid. «Суть соседского наблюдения заключается в том, чтобы призывать граждан стать «глазами и ушами» полиции для наблюдения и информирования органов о подозрительных фактах в своем районе» (Р. 91).

¹⁰ Garofalo, J. and McLeod. M. Improving the use and effectiveness of Neighbourhood Watch programs. US Department of Justice. 1988.

¹¹ См.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 267–274.

ловная ответственность. Ныне ее политизировали, и соответствующие люди работают над ее ужесточением. А ведь проблема эта не столько уголовно-правовая, сколько социальная, воспитательная и криминологическая. Достаточно обратиться к разрешению подобных дел в США, Великобритании, Франции и т. д., где не фашизм культивируют, а обеспечивают неприкаемую молодежь и подростков работой и учебой. А мы, выбросив на произвол судьбы миллионы преступно униженных высокочтимым «мигрантским» жульем подростков, растим из них политических преступников экстремистского и даже террористического толка.

5. Следующий поразительный факт. Какими научными данными руководствовалась Администрация Президента, когда под флагом демократизации и гуманизации уголовной ответственности практически в тайне от широкой общественности и с молчаливого согласия некоторых специалистов по уголовному праву внесла законопроект об исключении из УК РФ конфискации имущества? Никто не знает. И он был принят Законодательным Собранием и подписан Президентом РФ 8 декабря 2003 г.

Три действительных члена РАН во главе с академиком В.Н. Кудрявцевым и восемь профессоров уголовного права и криминологии, а также другие группы ученых-юристов три года упорно добивались возвращения этой меры уголовного наказания в УК РФ. Еще до принятия закона мы писали первым лицам различных ветвей власти: *«Мы специалисты в области уголовного права, криминологии и государственного управления выражаем крайнее беспокойство по поводу возможного принятия Государственной Думой Федерального закона «Об изменении и дополнении УК РФ», где предусматривается исключение из перечня уголовных наказаний конфискации имущества. Убеждены, что таким решением будут защищены многомиллионные преступные доходы, что будет способствовать лишь дальнейшему безнаказанному ограблению страны. Это усилит социальную напряженность в обществе и еще более подорвет доверие населения к власти...»*

Конфискация имущества является наиболее гуманной и эффективной мерой уголовного наказания в отношении экономических преступников, особенно в современных российских условиях.

Указанная мера наказания успешно применяется во всех демократических странах.

К тому же Россия подписала и ратифицировала ряд Международных и Европейских Конвенций, в которых предусмотрена конфискация имущества за совершение соответствующих преступлений. Настойчиво призываем Вас прислушаться к нашему мнению и отклонить указанное положение законопроекта».

Ответа не получили. Реакция была отрицательной. Федеральный закон был принят на закате деятельности прошлого состава Думы сразу в трех чтениях. В нем говорилось: «Ст. 52 утратила силу». Кто из депутатов знал, что означает ст. 52 УК РФ, предусматривающая конфискацию имущества, если среди них юристов было около 3 %, а среди юристов специалистов по уголовному праву – один-два человека.

Новый закон вступил в силу. Все старания юридической научной общественности самого высокого ранга были проигнорированы, но она продолжала добиваться поставленной цели, разворачивая дискуссии в печати¹². И только через три года (27 июля 2006 г.), когда цели лоббистов были достигнуты и крупные преступники осуждены, не потеряв своего состояния, конфискацию возвратили в Уголовный кодекс, но не как меру уголовного наказания, а как иную меру уголовно-правового характера. Согласно прежней статьи 52 конфискация устанавливалась «за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений». В новой статье 104 (конфискация имущества) дан перечень из 45 статей, за которые может быть назначена конфискация, но в нем практически нет корыстных преступлений, совершенных в сфере экономики. И в то же время конфискация возможна в случаях призывов к терроризму, оправданиях его и при совершении других некорыстных деяний. Научного анализа и прогноза при подготовке этого закона не было, но зато очевидны чиновничьи корыстные интересы.

6. В горбачевские времена была начата, хотя и крайне необходимая (народ спивал-

¹² См.: Лунев В.В. Коррупция без конфискации // Лит. газ. 2005. 25–31 мая; Он же. Эпопея с конфискацией // Финансы, экономика, безопасность. 2006. № 2. С. 37–39; № 3. С. 31–33; Он же. Конфискация имущества из УК РФ незаконно исключена: что дальше? // Государство и право. 2006. № 4. С. 5–10 и др.

ся), но научно не проработанная кавалерийская атака на пьянство и алкоголизм. Вырубали виноградники, разрушали винные и ликеро-водочные заводы, расширяли уголовную и административную ответственность за пьянство и т. д. Но поскольку многовековую потребность к алкоголю в условиях жалкого человеческого существования лобовыми мерами не искоренишь, она спровоцировала подпольное производство вредоносного зелья. Страна потеряла огромные доходы, что усилило нищету, способствовало разрастанию теневой экономики, подняло на ноги водочных воротил, в результате чего люди травились вредными подделками, и ничего не добились. Через два года власть сдалась. Кампания против пьянства была признана порочной, но произошло заметное снижение «пьяной» преступности, насильственной, корыстно-насильственной, корыстной и неосторожной, уменьшилось число самоубийств, производственного травматизма, психических расстройств, число разводов, количество беспризорных детей и т. д. К сожалению, все это не было должным образом оценено, а проблемы остаются до сих пор.

Причина провала антиалкогольной кампании лежала не в невозможности окультурить или умерить пьянство и связанные с ним криминологические и психические проблемы, а в порочной реализации этой важной идеи. Научные данные о вреде безмерного пьянства были использованы лишь как повод для тотальной лобовой борьбы с ним, а не для разработки комплексного, постепенного и последовательного воздействия на причины мотивации пьянства и алкоголизма.

В ельцинские времена уроки порочной борьбы с пьянством были использованы в идеологических, политических и коррупционных целях. В начале 1990-х гг. широкое распространение получило незаконное предпринимательство, особенно по изготовлению винно-водочных изделий, до 70 % которых не отвечали требованиям безопасности. В 1992 г. государство (не без помощи корыстно заинтересованных лиц) совсем отказалось от монополии на оборот этилового спирта. Государство потеряло огромные средства, подарив их криминалу. Порочность этого решения стала вскоре очевидной. Но возможности возврата государственной монополии были утрачены. Позже были приняты сотни раз-

личных правительственных постановлений по контролю за алкогольной продукцией – тщетно. Попытки государства усилить контроль на этом криминально-доходном поле привели к производству алкогольной отравы. Давно вносятся предложения о введении государственной монополии на оборот этилового спирта. За это выступает министр сельского хозяйства А. Гордеев, Председатель Госдумы Б. Грызлов, Председатель Совета Федерации С. Миронов. Против – коррумпированное чиновничество в правительстве¹³. А статистика печальна. Количество смертей в России от отравления некачественным алкоголем даже в более спокойные времена составляла около 40 тыс. человек в год¹⁴. С момента отмены винной монополии от паленой водки, выработанной незаконными предпринимателями, погибло около 500–600 тыс. человек. Эти плачевные итоги являются результатом игнорирования властями аналитических и прогностических возможностей науки, социальной, юридической, управленческой и медицинской. Все это легко прогнозировалось и в 90-е годы прошлого столетия.

7. Некоторые отечественные криминалисты, игнорирующие реалии и обосновывающие свои логические умозаключения частоколом различных норм, предлагают декриминализировать ст. 171 УК (незаконное предпринимательство), поскольку «такой нормы нет в США» (но как там борются с подобными деяниями, так как они не остаются безнаказанными, они не поясняют)¹⁵. К слову сказать, в уголовном законодательстве США нет норм, регламентирующих причинение различных форм вреда здоровью, а в целом нет более сотни составов преступлений, которые есть у нас, но это не означает, что опасные деяния там остаются безнаказанными. При оперировании нормами других стран было бы желательно не замыкаться только на них, а исходить из общей практики уголовно-правового контроля, но для этого надо тоже вникать в фактические, да еще чужие, реалии.

8. В советское время, в 1968 г., в связи с распространившимся пьянством за рулем, в

¹³ См., например: <http://www.rian.ru/society/20061031/55264350-print.html> и другие материалы.

¹⁴ Эпидемия алкогольных отравлений в России – новости // <http://www.bestrong.ru/?nid=204568>

¹⁵ См., например: *Наумов А.В.* Указ. соч. С. 267–269.

УК РСФСР была введена ст. 211-1, устанавливающая уголовную ответственность за управление транспортными средствами в состоянии опьянения, которая через два года была еще больше усилена. Однако в период сплошного беззакония в стране в 1992 г. под знаменем демократизации и свободы она была исключена из кодекса. И если криминализация этого деяния имела под собой научную и фактическую основу, то при его декриминализации стремились лишь снизить преступность на бумаге, развязать руки сотрудникам ГАИ и реализовать иные далекие от правопорядка интересы.

Во многих странах существует уголовная ответственность за управление автотранспортом в состоянии опьянения, например, в Германии (ст. 315с и 316) с мерой наказания до 5 лет лишения свободы (хотя статистика автотранспортных преступлений в этой стране не включается в общую криминальную статистику). В России это – административное правонарушение (ст. 12.8), которое может быть наказано штрафом до 12 МРОТ или лишением права управления транспортным средством на один год. Расширение дискреционных полномочий дорожной инспекции способствовали лишь увеличению безнаказанности, коррупции и заметному разрушению правопорядка на дорогах.

В последние годы уровень причинения тяжких последствий в результате ДТП на автомобильных дорогах в России в 8–10 раз выше, чем во многих европейских странах и США. И это результат бездумного либерализма в уголовно-правовой и административно-правовой законодательной сфере, беспредельная коррупция, сочетаемая со слабым контролем на дорогах. Этому способствовало также исключение из признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 263 и 264, причинение вреда здоровью средней тяжести. Перечисленные криминальные последствия также легко прогнозировались и просчитывались, но не этим были озабочены законодатели.

Особую функцию в борьбе с преступностью выполняет уголовно-процессуальное законодательство. Для иллюстрации этого положения я иногда привожу условный, но показательный пример. Предположим, что в какой-то аудитории совершена кража ценнейшего предмета. Для его нахождения

есть два пути. Первый: всех обыскать, найти предмет и виновного. Путь скорый, эффективный, дешевый, но в данном случае незаконный. Второй: после проведения мероприятия более или менее полно установить фамилии присутствующих, всех допросить и передопросить, подозревая каждого, провести очные ставки в целях устранения противоречий, множество других действий, расследовать дело в течение многих месяцев и даже лет и ничего не найти. Путь очень долгий, дорогой, малоэффективный, но абсолютно законный. Он точно соответствует формальному и порочному девизу императора Священной Римской империи Фердинанда I «Pereat mundus et fiat justitia» «Пусть погибнет мир, но свершится правосудие». Но в данном случае даже и правосудия-то нет. Есть лишь его некоторые признаки. Где выход из этого тупикового положения? Вот где наука могла бы проявить себя, для того чтобы найти эффективный и демократический путь постижения истины по уголовным делам. Однако процессуалисты не озабочены этими актуальными проблемами.

Речь не идет о попрании важнейших и выстраданных принципов уголовного правосудия и неотъемлемых прав человека. Речь идет об острой необходимости нахождения выхода из сложной и опасной криминологической ситуации, и не только в нашей стране. Поле поиска лежит между двумя обозначенными позициями в сфере выработки эффективной и законной процедуры. Давно известно, что процедура всемогуща. Она может способствовать решению самых сложных проблем или загубить поиск даже очевидной истины. Но как бы не относились мы к процессуальным проблемам, процедура никогда не может и не должна быть выше искомой истины по делу. Известная сентенция «главное не истина, а процесс ее поиска» непригодна для правосудия. Оно перестает быть нужным и превращается в шоу. Такое шоу слишком дорого обходится людям, обществу, государству. Но в УПК 2001 г. о поиске истины ничего не говорится. А некоторые его авторы вообще считают **поиск истины в правосудии – химерой**¹⁶. При таком подходе оно пе-

¹⁶ Е. Мизулина, бывший депутат Госдумы прошлого созыва, руководившая группой разработчиков УПК, в прямом эфире «Пресс-клуба» (12.07.2002 г.) так и сказала: «Поиск истины в правосудии – химера».

рестает быть правосудием, а превращается в спортивно-говорильное сражение, где любая частность может сыграть главную роль.

Наши процессуалисты забыли учение о «материальной» истине великого М.С. Строговича¹⁷. Уже в 1994 г. в честь столетия со дня его рождения так о нем писал его ученик и последователь В.М. Савицкий: «М.С. Строговича всегда чрезвычайно заботило создание условий, обеспечивающих **эффективность уголовной политики**, в частности вынесение справедливых приговоров. Всякая судебная ошибка – будь то осуждение невиновного или необоснованное оправдание преступника – ослабляет режим законности, препятствует выполнению задач, стоящих перед правосудием. Как избежать судебных ошибок, как добиться, чтобы каждый приговор содержал истину и ничего, кроме истины, – этому ученый посвятил немало статей и специальную монографию»¹⁸. Но именно его книга о материальной истине чаще всего в наше время и забывается. Видимо, не соответствует она современной процессуальной моде. Справедливо борясь с установлением истины в правосудии «любой ценой», «продвинутые» процессуалисты подменяют ее «победой в состязательном процессе», нередко тоже «любой ценой».

А.А. Тарасов сделал важную попытку разобраться в том, что творится в умах «современно ориентированных» процессуалистов по поводу истины в уголовном судопроизводстве, которые никак не могут внятно связать состязательность и другие принципы УПК с поиском объективной истины в правосудии. Он обоснованно приходит к выводу: истина является целью доказывания¹⁹. Но реалии, к сожалению, иные. И под них разрабатывается новая правовая теория. Она особо выгодна многим современным адвокатам, получающим высокие гонорары от опасных и богатых преступников, которых они сумели «отмыть». По этой теории истиной считается лишь то, чего «добиваются» они.

Проблема подготовки УПК РФ 2001 г. решалась практически «советским» закрытым способом. Реально мыслящие специалисты из комиссии по разработке проекта были удалены. Он готовился в Комитете по законодательству Государственной Думы. Вот что сказал на одном из заседаний Комиссии Государственной Думы по противодействию коррупции В.С. Овчинский: «По поводу УПК я как бы причастен к обсуждению... Могу сказать на сто процентов, Генеральная прокуратура, МВД России, Таможенный комитет, Институт государства и права, НИИ МВД России, Академия управления МВД России – все дали категорические отрицательные отзывы на проект УПК. Последний вариант проекта УПК, который был подготовлен группой Козака вместе с Мизулиной и профессором Вициным, держался в секрете, его даже не выдавали экспертам, потом сразу вынесли на первое, второе, третье голосование и не учли никаких замечаний ни одного из ведомств, ни одного из научных центров. Нет в России ни одного ученого, кроме этой узкой группы лиц, причастных к разработке УПК, который бы этот УПК поддерживал»²⁰.

Многие «новеллы» УПК РФ отбросили позитивные традиции отечественного правосудия, фактически парализовали деятельность предварительного расследования и даже суда. В связи с этим он получил отрицательную оценку юридической общественности. В печати был опубликован ряд статей с серьезной критикой кодекса. Одна из них в «Известиях» знаково называлась: «Такое впечатление, что новый УПК писали преступники и их адвокаты»²¹.

Однако, несмотря на отрицательное мнение юридической общественности и вынужденное принятие в течение только первого года действия УПК РФ 13 законов, которыми было внесено более 300 изменений и дополнений, в том числе и существенных, изменения и дополнения вносились и в последующие годы. УПК РФ подписан 18 декабря 2001 г. За четыре года, с 29 мая 2002 г. по

¹⁷ См.: *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства. М., 1955.

¹⁸ Опередивший время: К столетию со дня рождения М.С. Строговича. М., 1994. С. 27.

¹⁹ *Тарасов А.А.* Еще раз об истине в уголовном судопроизводстве // *Новый УПК России в действии.* М., 2004. С. 71–78.

²⁰ Стенограмма заседания Комиссии Государственной Думы по противодействию коррупции. Здание Государственной Думы. Зал № 830. 8 июля 2004 года. 14 часов. С. 35–36.

²¹ *Известия.* 2003. 23 мая. См. также: *Лит. газ.* 2002. 6 марта и др.

27 июля 2006 г. было принято 22 федеральных закона о его изменениях и дополнениях. Кроме этого Конституционный Суд РФ принял три важных постановления, которыми признал не соответствующими Конституции РФ несколько статей кодекса. Всего же было внесено только в текст УПК (исключая приложения к нему) 439 изменений и дополнений. Это свидетельствовало об ущербности кодекса, но инициаторы и составители кейлевого варианта разрушительного УПК до сих пор упорно не замечают этого. Они не понесли никакой ответственности за причиненный вред правосудию и продемонстрировали свою научную и профессиональную непригодность.

С введением в действие нового УПК РФ с середины 2002 г. положение с реальной эффективностью борьбы с преступностью серьезно осложнилось. В целом за этот год (хотя кодекс действовал только полгода) учтенная преступность сократилась на 15 %, тяжкая и особо тяжкая – на 24 %, причинившая крупный (значительный) ущерб – тоже на 24 %, мошенничество – на 12,5 %, незаконный оборот оружия – на 14,7 %, угроза убийством – на 15,1 %, кражи – на 27 % и т. д. Известно, что уровень преступности и ее структурные соотношения очень инерционны, поэтому серьезные изменения в них в течение полугода могут быть только искусственными.

На этом фоне безнаказанность, как одна из серьезных причин преступности, существенно увеличилась.

В настоящее время серьезно стоит вопрос о борьбе с наркоманией, которая распространяется по стране с невиданной быстротой. Сегодня в России нет мест, где бы не употребляли наркотики. Ежегодно от употребления наркотиков гибнут до 800 тыс. человек. Продолжительность жизни лица, употреблявшего тяжелые наркотики, составляет в среднем 5–7 лет. Принудительное лечение наркоманов, которое в УК РСФСР было предусмотрено в ст. 62, отменено. По собственному желанию наркоманы, особенно в молодом возрасте, не лечатся. Директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков В. Черкесов предлагает отправлять наркоманов без их согласия в специализированные лечебные центры. «Это спасение человека, когда невозможно с ним рядом жить, невозможно смотреть, как он погибает

и ждать, когда он возьмется за нож», – полагает он. В стране доминирует иное мнение: из под палки наркомана не вылечишь. И на каком основании больного наркоманией насильно лишать свободы в специализированном лечебном центре. Идеологические штампы в данном случае непродуктивны. Оптимальное решение можно принять лишь при самом глубоком конкретном медицинском, социологическом, криминологическом и правовом комплексном исследовании реалий.

Обращение к реалиям, в конце концов, происходит тогда, когда закон вступает в силу и причиняет вред нередко больший, чем до его принятия. Закон приходится лоскутно и долго изменять и дополнять. Но это очень дорогие эксперименты, проводимые в массовом масштабе на живых людях и живых общественных отношениях. Авторы криминальных и коррупционных законов решают не проблемы науки, эффективности социально-правового контроля преступности, защиты прав граждан от преступлений, а политические, партийные и идеологические вопросы неоправданного либерализма.

Для криминологии и социологии права, на основе которых должна быть организована борьба с преступностью, более важны не идеологические догмы, а фактические криминальные реалии. С этой точки зрения **общество нуждается в непрерывном системном изучении этих реалий, их тенденций и закономерностей, которые складываются на основе существующего, пробельного или криминального законодательства.** А этого, к сожалению, пока нет.

Перечень абсурдных и преступных решений различных ветвей власти можно продолжать и продолжать, и не только в сфере уголовно-правовых отраслей права, но и цивилистических. Вспомним пресловутый Федеральный закон 122, готовя который чиновники ошиблись в подсчете на 2 млн инвалидов и стариков. Обратимся к трижды кроеному Федеральному закону о банкротстве, который позволил ловким бизнесменам и чиновникам преступным путем неоднократно перераспределить собственность в России с использованием прорех этого закона, коррупционированных судей, судебных исполнителей и представителей других правоохранительных органов.

Вышеприведенные примеры научно не обоснованного криминогенного и коррупциогенного законодательства свидетельствуют, с одной стороны, о том, что высшие органы власти не нуждаются в объективных исследованиях наук криминального цикла, с другой – сама фундаментальная юридическая наука криминального цикла пока не совсем готова к разработке теории современного демократичного и эффективного контроля за растущей преступностью. Некоторые законодатели с юридическим образованием, показавшие профессиональную непригодность, а то и умышленные злоупотребления и коррупционность, даже не были отринуты от законодательской кормушки. А многолетние обсуждения юридической общественностью вопроса о введении криминологической экспертизы законопроектов в систему законодательского процесса с разработкой проекта закона о ней, до сих пор не реализованы²².

Необходим критический анализ науки криминального цикла

Разработка права, особенно уголовного, – искусство возможного. И это искусство, особенно в фундаментальной юридической науке криминального цикла, базируется на данных социологии, статистики и математики, на анализе криминологически значимых реалий – политических, социальных, экономических, социально-психологических и уголовно-правовых. А этого до сих пор нет и не предвидится, хотя определенная научная, статистическая, социологическая и правовая база уже существует.

Если бы государственные органы были заинтересованы в качественных, неидеологизированных, эффективных и демократических законах борьбы с преступностью и всякий раз требовали бы от исследовательских юридических институтов и их подразделений конкурсной фундаментальной разработки необходимых материалов, глубокого научного обоснования и практической проверки предлагаемых проектов законов с соответствующей оплатой труда научных сотрудников и если бы эти органы

также были заинтересованы в ответственности исследователей за плохо выполненную работу, то фундаментальная юридическая наука криминального цикла давно бы вышла на относительно достойные рубежи своего развития, и на ее основе уже бы осуществлялись конкретные полные и выборочные исследования криминогенных и социально-правовых реалий в регионах и в стране в целом, анализировалась мировая практика, делались экспериментально проверенные выводы и вероятностные прогнозы возможных последствий предлагаемых законопроектов.

Однако реального спроса на подобные законопроекты нет. Оплаты исследовательских работ (а для глубокого изучения реалий, сбора информации, ее анализа, проведения экспериментов и выработки прогнозов нужно время и средства) со стороны законодательных органов вообще никогда в нашей стране не существовало. Зарплата главного научного сотрудника (основной рабочей лошади) НИИ РАН составляет пятую часть оклада московского дворника²³. Реальные разработчики законопроектов не только не поощряются, но и игнорируются. А если исследователь попытается узнать, что с законопроектом, в разработке которого он принимал участие, ему, по сути, ничего не ответят. Депутаты, получив законопроекты от разработчиков, начинают их дорабатывать в соответствии со своими интересами, с запросами богатых лоббистов и пр.

Все это не стимулирует исследователей и снижает уровень научных разработок. В таких условиях разумные чиновники теряют веру в науку, а достойные научные сотрудники осознают бесполезность сотрудничества с властями. Круг замыкается. Чиновничество творит, что хочет, а реалистичная наука деградирует.

Преступность растет количественно и изощряется качественно. Уровень учтенной преступности в развитых демократических странах составляет 8–12 тыс. деяний на

²² См.: Бородин С.В., Лунеев В.В. О криминологической экспертизе законов и нормативных актов // Государство и право. 2002. № 6. С. 40–45.

²³ Даже сейчас, когда принято решение о дополнительной оплате ученым, имеющим степени кандидата или доктора наук (по 3000 и 7000 руб.), оно пока распространяется только на профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, хотя аналогичные ученые степени имеет абсолютное большинство сотрудников научно-исследовательских учреждений.

100 тыс. населения. У нас уровень учтенной (но не реальной) преступности намного ниже²⁴.

Нравится нам это или нет, но мир и наша страна в еще большей мере уже находятся в криминальном капкане, а достойного выхода из него не видно. Он образуется за счет перманентного расширения «ножниц» между углубляющими криминальными реалиями и вдохновляющими политические партии желанными «идеалами», за счет того, что они побеждают и удерживаются у власти. Расширение «ножниц» продолжается. **Имеющийся разрыв неуклонно увеличивается, свидетельствуя о «ножницах» между нашими правовыми и политическими декларациями и практикой жизни. Эти «ножницы» указывают на масштабы и тенденции нового идеологического и правового лицемерия.** Вот этими противоречиями и должна заниматься фундаментальная наука криминального цикла, но она этим практически не занимается. У нас нет даже подготовленных специалистов, способных выйти за рамки метода «умной головы», владеющих опытом уголовно-правовой борьбы с преступностью в мировом масштабе, отечественным уголовным правом, социологией уголовного права, криминологией, статистикой, математическими методами анализа и прогноза, футурологией, хотя в юридических вузах эти дисциплины (уголовное право, криминология, социология, статистика, математика, информатика) в основе своей изучаются. В прошлом юридические вузы не могли готовить студентов по социологии вообще, а по социологии уголовного права в особенности. Разработка уголовно-правовой науки осуществлялась на основе действующего закона и правоприменительной практики. Это было главным источником более 80 лет.

²⁴ По разным оценкам и подсчетам у нас реально совершается более 15 млн преступлений ежегодно, а по обоснованным подсчетам ВНИИ МВД (К.К. Горяинов) – 22–25 млн. Регистрируется около 3 млн деяний, выявляется около 1,2 млн правонарушителей и осуждается около 800 тыс. человек. Примерная результативность 1:15; 1:30. Ежегодно до 7 млн реальных потерпевших не получают правовой помощи. Но и с этим усеченным уровнем преступности система уголовной юстиции не справляется. Помогают мошенническая регистрация, прекращение дел и оправдательные приговоры, а также ежегодные массовые амнистии.

Приведу показательный пример. Всем известный и уважаемый крупнейший специалист по уголовному праву А.А. Пионтковский много работал над проблемой «преступление» и связанными с ней институтами. Основываясь на УК 1926 г., в 1940–1960 гг. он писал, беспощадно критикуя Б.С. Утевского за его теорию вины, что СССР не знает объективного вменения. В эти годы статистика была за семью замками и ее разглашение жестоко каралось. В такой ситуации он мог не знать (?) действительного положения дел или мог бояться раскрыть реалии. Но то же самое он писал и в 1970-е гг., когда всем стало известно о миллионах безвинно расстрелянных и являлось общепризнанным фактом. Однако ему, видимо, безразличны были реалии. Он базировался на букве фальшивого закона. Норма для него была выше реалий. И как догматик (в лучшем понимании этого термина) он был прав. Но можно ли назвать это наукой и нужно ли продолжать эту тенденцию.

Для разработки фундаментальных проблем наук криминального цикла мало знать только само уголовное право и уголовный процесс. Кроме того, никто не изымал из различных отраслей права, в том числе и уголовного, их социологию, которая является неотъемлемой составной частью любой отрасли права. Мудрый А.А. Герцензон при втором рождении криминологии в 60-е годы прошлого века писал, что нельзя отделять уголовное право от криминологии и социологии, одно замкнется на догматике, а другие оторвутся от права²⁵. Не послушали. Процесс суверенизации везде опасен. В реальной жизни все взаимосвязано.

Известно, многие «уголовники» не терпят криминологии и социологии, поскольку эти науки требуют более широкого подхода. Но ведь **социология уголовного права – это внутренне присущая часть самого уголовного права.** В принципе, между догматической и социологической позициями нет китайской стены. Объект исследования один. Частные задачи несколько разнятся, а конечные – полностью совпадают. Методы существенно различаются, но специализация одна и каждый специалист не может замыкаться на каком-то одном аспекте.

²⁵ См.: Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. М., 1965. С. 32.

Вольтер полагал: «Математическая истина остается на вечные времена, а метафизические признаки проходят, как бред больных». Но как раз социологическая, статистическая и математическая основа правовых наук и является их самой слабой стороной. Можно привести десятки высказываний знаменитых людей, которые связывали с математически выраженными реалиями научные достижения. А это значит, что идеи математизации и социологизации правовых наук – не бредовые идеи современности. Им многие столетия. Догматика в нашей стране утвердилась в советское идеологизированное время, когда реалии были за семью замками и юристы вынужденно привыкли все научные вопросы решать на уровне отдельных примеров и логических умозаключений. Время идеологизированной догматики прошло, но прежняя инерция господствует. Инерция... Преодоление ее требует осознания и времени. Поэтому попытки вернуть науку в лоно социологических и статистических реалий ученые с привычными прежними методологическими представлениями встречают в штыки.

Надо было уметь объективно изучать правовые потребности общества, эффективность действия принятых норм, причины слабой эффективности уголовного права, причины и условия криминализации и декриминализации и, наконец, тенденции и закономерности самой преступности и ее отдельных видов не только на уровне логических умозаключений. Изучение этих проблем нуждалось в использовании социально-правовых, криминологических, социологических, социометрических, статистических, математических, информационных и иных эмпирических методов, которыми специалисты с чисто юридической подготовкой владеют слабо или не владеют совсем.

Основная проблема в том, что у некоторых нет желания осознать научную ценность социологических и статистических данных. А ведь статистика нужна не для украшения нетленных идей прошлых веков, а для непрерывного анализа очень неблагоприятных криминальных тенденций. **В наш прагматический и интенсивно меняющийся век любая деятельность, если она претендует на успешность, должна опираться на объективную и динамичную информацию, про-**

фессиональный анализ реальных тенденций, прогноз их развития на ближайшее будущее и только потом принятие адекватного решения.

«Уголовное право крайне нуждается в глубоком анализе демографии, статистики (не только судебной), а также в социологических и психологических исследованиях, сравнительном правоведении и, разумеется, прогностике, основанной на понимании тенденций социально-экономического и культурного развития страны»²⁶.

Таким образом, проблема социологизирования уголовного права сегодня оказалась неразрешимой, хотя жизнь этого настойчиво требует. Ее можно было бы решить путем приема новых людей либо путем дополнительной подготовки и переподготовки некоторых сотрудников. Для молодых эти задачи могут быть посильными, если они это осознают.

В учебном плане юридических вузов сегодня значатся: математика (высшая), информатика, статистика, социология, а в некоторых вузах с экономическим уклоном – эконометрика. Все эти предметы – методологического и методического характера. Овладев ими, можно решать многие аналитические и прогностические задачи фундаментальной науки уголовного права и криминологии. Но это на бумаге.

Во-первых, абсолютное число студентов, особенно частных юридических вузов, ориентировано на цивилистические специальности, предпринимательское, банковское, налоговое и финансовое право, адвокатскую деятельность, т. е. на денежные работы в коммерческих структурах. Анализировать преступность и бороться с ней практически никто не желает. Поэтому рассчитывать на молодые кадры необходимо, но найти среди них склонных к криминологическим и социологическим уголовно-правовым исследованиям не так просто.

Необходимо, наряду с традиционными для юридической науки исследованиями «писаной реальности» (логико-правовой анализ законов и других нормативных актов, их толкование, сравнительное правоведение,

²⁶ Кудрявцев В. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. № 5. С. 130.

обсуждение существующей литературы и т. д.), последовательно переходить к системному анализу «фактической реальности», которая складывается на основе действующего законодательства или его пробелов. Демократическое прагматическое общество, которое так или иначе формируется в нашей стране, нуждается не в апологии (об этом написаны сотни книг), а в постоянном анализе реалий, складывающихся тенденций и закономерностей, т. е. в получении новых знаний о нем. Общеизвестно, что чисто логико-правовое мышление не может принести знаний эмпирического мира.

Если вышесказанное приемлемо, то научные исследования должны опираться на организационно оформленную и постоянно пополняемую эмпирическую информационную базу. В стране собирается огромная масса дорогостоящей статистической информации, имеющей отношение ко всем отраслям права и юридической науке в целом (в одной только криминологической, уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сферах на электронных носителях собирается около двух десятков миллионов единиц сопоставимой информации), но она чаще всего остается в железных сундуках и в компьютерных файлах и лишь частично и спорадически используется в юридической науке. Огромные возможности по сбору мировых и отечественных данных предоставляет Интернет.

Прагматические государственные образования не нуждаются в апологии «голых» идей, они нуждаются в решении реальных проблем жизни, реальной борьбы с коррупцией, организованной преступностью, терроризмом, наркотизмом и другими опасными преступлениями современности. А реалистические решения могут быть выработаны только на основе объективной и системной информации о той или иной криминальности, которую можно получить лишь статистическим, социологическим, эконометрическим и иным эмпирическим путем при обработке современными методами. И к решению этих проблем мы уже должны быть готовы, а если такой готовности нет, то надо незамедлительно и целенаправленно в этом отношении работать. Я полагаю, база для этого в России есть. Кроме того, юридические исследования должны занять достойное место в системе принятия решений. Власти многое запрашивают, но мало на эти аналитические материалы обращают внимания. И этому есть свои причины. И наконец, мы должны окончательно освободиться от идеологической ангажированности. Раньше мы окаймляли свои исследования лозунгами КПСС, ныне – лозунгами вестернизации. Под святым знаменем демократии, свободы и прав человека стали решаться, как и прежде, не реалистические проблемы, а узкопартийные и свекорыстные задачи.